

Такое дело

Я ВЫШЕЛ из деревенского магазинчика и невольно замер: в нескольких шагах от меня стоял и смотрел в мою сторону огромный черный пес. За свою жизнь мне довелось увидеть много разных собак, но такой!..

Откуда-то выскочила и залилась неистовым лаем маленькая собачонка, но стоило псу только переступить с лапы на лапу, как она испуганно взвизгнула и метнулась в сторону.

— Нравится? — услышал я за спиной густой мужской голос.

Я обернулся и увидел невысокого плотного мужика с массивным, темным от загара лицом.

— Нравится... Ваш?

— Ясное дело, мой, — он дернул подбородком. — Мы с ним уже больше трех лет под одной крышей живем.

— И какой же он породы?

— А Бог его ведает, — мужик равнодушно махнул рукой. — Но какая-то есть. В наше время беспородным лучше не жить — заклюют. Да и... — он грузно сел на завалинку. — Да и разве в этом дело?

— Ну, не говорите, — я присел рядом. — Разница есть.

— Ерунда, — он пренебрежительно махнул рукой, взглянув в сторону пса. — Собака — она и есть собака. Главное — чтоб понятлива была, преданна, а остальное — медали там за экстерьер, за выслугу или еще что — ерунда на постном масле. Ну что, к примеру, толку от этой, декоративной. Живая игрушка и только. Она и облаять-то понастоящему не сумеет, я уж не говорю о том, чтобы хозяйина защитить.

— Ну, не говорите, — возразил я. — Если их много, то...

— Вот именно, — перебил он, — «если». Я посмотрел на пса. Он лежал, положив морду на вытянутые лапы, и внимательно смотрел на нас, совершенно не обращая внимания на проходящих мимо людей.

— Зовут-то его как?

— Дружок.

При звуках голоса хозяина пес вскочил и завилял хвостом. Мужик хлопнул ладонью по колену. Пес подбежал, ткнулся мордой в его колени, шумно задышал, преданно глядя в глаза. Я опасливо отодвинулся.

— Не бойся, пес серьезный, не то что эта шмакодавка, — неожиданно усмехнулся. — Интересно, что и среди людей точно так же. Сильный человек — ленив, добродушен, добр, а слабый задирист, самоуверен, труслив и, по обыкновению, зол. Впрочем, когда их много, — он посмотрел на меня, хотел еще что-то добавить, но промолчал.

— Заговорил немного погода, кривя в усмешке губы: Даже не верится, что вот за эту глисту заплачено тридцать рублей.

Сдуреть можно.

— А Дружок сколько стоил?

— Ни полушки.

— Ой ли?

— Нашел я его. На автобус опаздывал. Из больницы возвращался. Пошел дворами. Вижу, у одной из помоек шевелится что-то. Подхожу — щенок. Видно, недоутопили. Трое-то братьев рядом лежат. Жалко стало. Дома с женой из соски его кормили. Да и сейчас он ест только то, что и мы. Не поверишь, — улыбнулся, — он мне с женой и ругаться не дает.

— Как это — не дает?!

— А так! Подойдет, лапы на плечи положит и ворчит. Ругаемся, конечно, но при закрытых дверях. А при нем бесполезно...

Мы замолчали. Мимо, поднимая густое облако пыли, натруженно ревя, проехала тяжело груженная автомашина.

— Слушай, — неожиданно обратился он ко мне. — На рыбалку сходить не желаешь?

— На рыбалку? — я посмотрел на стоящую поодаль от магазина бытовку, выделенную мне под жилье на время командировки, вспомнил про зачитанные до дыр журналы и согласился, предупредив, что рыболовных припасов у меня нет.

— Найдем, — он поднялся с завалины, окинул меня с ног до головы. — Переоденься: сапоги надень, куртку, на голову что-нибудь. Не лето...

Где-то через час с небольшим мы торопливо шагали в глубину леса по узкой извилистой тропинке, на которой кое-где уже лежали, желтые листья.

Дружок, то и дело оглядываясь, бежал впереди нас. Мужик шагал молча, время от времени поправляя сползающий с плеча рюкзак.

— Далеко еще? — спросил я, когда мы перешли какой-то ручей.

— Где-то с полчаса еще протопаем, — ответил он, не оборачиваясь и тяжело дыша.

— Устал? — спросил я.

Он постучал пальцем по груди:

— Дыхалка у меня того... И курить год назад бросил, а... — махнул рукой.

— Сходи к врачу.

— А ну их всех к черту, — остановился, искажал ладонь, которую пересекал шрам. — Нарыв был. Резали. Заморозили, а толку? У меня слезы из глаз, а им хоть бы хны. Полное равнодушие, словно перед ними не живой "человек, а труп... — и громко выругался.

Озеро появилось неожиданно. Было оно небольшим, с зыбкими берегами, с неприветливо-темной водой.

— Слушай, — предупредил я его, когда мы подошли к уткнувшейся в берег плоскодонке, почти до половины заполненной водой. — Я плавать не умею.

— Совсем?! — он недоверчиво посмотрел на меня.

— Совсем.

— Ладно, — он потер подбородок, кивнул

в сторону. Вон за той деревиной возьми удочку и, пока я воду вычерпываю, постарайся поймать несколько рыбки для самоловок. Сейчас щука должна брать...

Клевало хорошо. Когда он вычерпал воду, у меня уже было штук пять плотичек и почти столько же окуньков.

Откуда-то из кустов он принес самодельные весла, достал из рюкзака несколько кружков, взял пойманную рыбу и отвечал от берега.

Дружок, до этого времени с непонятным для меня беспокойством бегавший вокруг него, вдруг отчаянно заскулил, заметался по берегу.

— Далеко не отъезжай, — крикнул я.

— Ты лучше костерок разведи, — отозвался он.

Я натаскал из лесу хвороста, развел костер и вновь стал ловить рыбу.

Громкий всплеск заставил меня вздрогнуть: мужик барахтался в воде, держась одной рукой за борт наполовину потопленной лодки.

Я бросил удочку и заметался по берегу, не зная, что делать, а лишь орал: «Держись! Я сейчас!». А что «сейчас» — не знал.

Дружок прыгнул в воду и, отчаянно работая лапами, задрал морду, поплыл к лодке...

Он доплыл до берега, держась за холку собаки, с трудом выбрался на берег. Лицо у него было бледным, руки дрожали, а с одежды ручьем стекала вода.

— Угораздило же, — пробормотал он. — Еще бы немного и...

Дружок, радостно повизгивая, бегал вокруг него, ластился.

Мужик вылил из сапог воду, выжал одежду. Неожиданно закрапал дождь.

— Домой надо, — заметил я, взглянув на затянутое тучами небо...

— Придется, — мрачно пробормотал он. — Черт... Еще бы немного...

Я уехал из этой деревни утром следующего дня. Мой бульдозер потребовался на другом участке дороги...

Только спустя несколько лет мне довелось снова побывать в этой деревне — делали отсыпку дороги.

За неделю с небольшим, что мы пробыли там, мне так и не довелось увидеть ни Дружка, ни его хозяина.

В конце концов я спросил о них у одного из местных жителей.

— Дружок?! — удивленно спросил тот. — Какой Дружок?

— А-а, — протянул он, когда я объяснил более подробно. — Нет Дружка. Сожран!

— Не понял! Кем сожран? Да его и стая волков вряд ли одолеет.

— Насчет волков не знаю, а вот хозяин

сожрал. Вернее убил, вытопил жир и этим жиром лечил себе туберкулез. А ты — волки, — сплюнул под ноги и пошел своей дорогой.

— А хозяин где?

— Подох, — бросил он, не оборачиваясь, — но не как собака, а как волк... Впрочем, туда ему и дорога...